М. Б. МИХАЙЛОВА, М. А. ВЕНГРАНОВИЧ

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОДНОРОДНЫМИ СКАЗУЕМЫМИ В НАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ «РАЗИНСКОГО ЦИКЛА» И В «ПЕСНЯХ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ» А. С. ПУШКИНА

Разносторонний интерес А. С. Пушкина — и идеологический, и собирательский, и собственно художественный — к произведениям устного народного творчества общеизвестен. Проблема «Пушкин и фольклор» постоянно находится в сфере внимания филологической науки (см., например, 5, 9, 14, 20, 22, 23 и др.). Подробно исследована и история создания пушкинских «Песен о Стеньке Разине», впервые прочитанных поэтом 12 октября 1826 года в Москве у Веневитинова и получивших суровую оценку высочайшего цензора, переданную через Бенкендорфа: «Песни о Стеньке Разине при всем своем поэтическом достоинстве по содержанию своему неприличны к напечатанию. Сверх того церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева» (цит. по 2, с. 325).

Близкое знакомство поэта с фольклором и глубокое проникновение в тайны народного творчества делают его песни народными по духу и форме. Это послужило основанием для некоторых исследователей усомниться в оригинальности этих произведений и считать их переделками народных песен. У Венгерова они напечатаны не среди стихотворений Пушкина, а в разделе записей и переделок народных песен и сказок. Этой же точки зрения придерживался и Н. Л. Бродский. Сомневались они в авторстве Пушкина не без оснований: известно, что, передавая П. В. Киреевскому тетрадь с записями народных песен, Пушкин предложил ему разобраться, какие из них действительно народные, а какие сочинил он сам. Мистификация была настолько искусной, что никто из пытавшихся разрешить эту загадку не смог ее разгадать (3, с. 530).

Загадка «Песен о Стеньке Разине» оказалась менее сложной. Доказательство их оригинальности обнаруживается в самом содержании: сюжет первой песни, повествующей о персидской княжне, брошенной Разиным в Волгу, фольклору неизвестен, его источником считают рассказ голландского путешественника Яна Стрейса, изложенный декабристом Корниловичем в седьмом номере «Северного архива» за 1824 год; сюжет второй изве-

стен в устной традиции, но бытует не в поэтической, а в прозаической форме как легенда; третья же песня представляет собой синтез основных мотивов народных разбойничьих песен.

Доказательство чрезвычайно весомо, но вопрос о форме пушкинских произведений оно не закрывает: остается ли нам восхищаться блеском протеистического стилизаторского дарования, скрупулезно следующего созданному народным гением образцу, или прав был П. В. Анненков, первый биограф Пушкина, который, оценивая силу таланта поэта, писал: «...сила Пушкина и близкое знакомство с духом русской поэзии выступают тут особенно ясно. Склад и течение речи удивительно близко подходят к обыкновенным приемам народной фантазии, и только по особенной полноте и грации подробностей видите, что тут прошла творческая рука поэта. Они кажутся деревенской песней, пропетой великим мастером. В этом, по нашему мнению, заключается и тайна особенного наслаждения, доставляемого ими» (6, с. 154). Поддается ли анализу эта «тайна особенного наслаждения»? Имеет ли эта «особенная полнота и грация подробностей» конкретное языковое выражение? Вполне отдавая себе отчет в трудности и масштабности поставленных вопросов, возьмем на себя смелость попытаться найти на них ответ.

В качестве модели для подобного анализа избран материал лишь одной синтаксической конструкции — предложений с однородными сказуемыми, встречающихся в 34 народных исторических песнях о Степане Разине (2), двух исторических песнях о «Сынке» Разина, записанных А. С. Пушкиным в Михайловском, двух песнях из сборника Чулкова, переведенных Пушкиным на французский язык для Леве Веймара, и трех оригинальных песнях поэта, составивших цикл «Песни о Стеньке Разине».

В данной статье не отводится места описанию лингвистической традиции в вопросе об однородных членах предложения (обзор см. 17). То же касается и обсуждения категории однородности вообще и наиболее спорного в грамматической теории однородности вопроса об однородных сказуемых. Отсылая заинтересованного читателя к известной литературе по этой проблеме (например, 8, 11, 15, 17, 18, 24 и др.), здесь напомним лишь характеристики, которые учитываются при анализе однородных членов предложения:

1) синтаксическая роль в предложении,

2) характер синтаксической связи между членами сочиненного ряда,

3) количество однородных членов предложения и их расположение,

4) наличие/отсутствие общих распространителей,

5) открытость/закрытость ряда,

6) однотипность/разнотипность морфологического оформления однородных членов предложения,

7) отсутствие/наличие зависимых слов при членах ряда,

8) характер семантических отношений между однородными членами предложения.

Следует заметить также, что авторы придерживаются точки зрения, признающей однородность нескольких сказуемых в рамках осложненного предложения (подробнее см. 13), делая необходимые оговорки об особом характере этих конструкций. Более того, к простым осложненным предложениям с однородными сказуемыми относятся и часто встречающиеся в текстах исторических песен конструкции с анафорическим повтором подлежащего при параллельной организации стихотворного текста, типа

А мы чалочки расчалим
Все шелковые,
А мы шатрики раскинем
Канифасные,
Самоварчики поставим
Позолоченные
. (2, с. 33),

на том основании, что этот формальный повтор асемантизированного (25, с. 57) подлежащего мотивируется ритмико-мелодическими и структурными особенностями фольклорного стиха.

Широкое использование подобных конструкций объясняется общей для стихотворных жанров русского фольклора закономерностью: связь между предикативными единицами и частями последних осуществляется не только и не столько линейно (как в литературном кодифицированном языке), но параллельно, «не столько по горизонтали», сколько «по вертикали» ... на основе нелинейного соотношения через определенные компоненты своих структур» (7, с. 55). Характерные способы такой организации текста — синтаксический параллелизм, разные типы повторов, межстиховая атрибуция, бессоюзная связь предикативных частей (в нашем случае из 67 единиц анализа 58, т. е. 87%, отмечены бессоюзной связью однородных сказуемых).

Как тонкий знаток системы народного стихосложения, Пушкин не мог не использовать в своих произведениях, написанных «в фольклорном духе», специфичных способов-моделей построения предикативных единиц. В своих «Песнях о Стеньке Разине» он использует две характерные для фольклора синтаксические модели с интересующей нас синтаксической структурой: позиционный повтор и концентрирующий повтор по классификации Е. Б. Артеменко (см. 8):

Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу (3, с. 23).

Эта структура выражает сопоставительно-выделительные отношения, которые реализуются с помощью противительного союза «а» и отрицания при первом глаголе. Конструкции данного типа относятся к «неслитным», так как в обеих частях предложения повторяется лексически тождественный элемент — сказуемое «глядит». В. И. Собинникова (21) рассматривает эти конструкции как синонимичные конструкциям с однородными членами.

Разница их заключается в том, что однородность предполагает однофункциональность, поэтому лексически тождественные элементы данного предложения соответствуют общему члену конструкций с однородными членами и рассматриваются не как однородные члены, а как одно общее сказуемое при однородных дополнениях. Повторение сказуемого в обеих частях предложения, по мнению В. И. Собинниковой, имеет экспрессивный характер и способствует выделению значимых частей. К этому следует добавить, что такой повтор выполняет также и специфическую синтаксическую функцию: оформляет предложение с помощью симметрично расположенных и соотнесенных друг с другом частей и тем самым реализует тенденцию песенного синтаксиса к предикативному оформлению каждого стиха. Пушкин осознанно использует здесь один из законов народного искусства, который В. Я. Пропп назвал «законом симметрии».

Интересно проследить оформление Пушкиным сюжетной ситуации, параллель которой находим в фольклоре: призыв собираться в поход.

В записях поэта есть песня из собрания Новикова, которую он перевел на французский язык: «Судари мои, братцы, голь кабацкая, Поедем мы, братцы, на сине море гулять, Разобъёмте мы, братцы, басурманские корабли, Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно, Поедемте, братцы, в каменну Москву, Покупим мы, братцы, платье цветное, Покупивши цветно платье, да на низ поплывем» (4, с. 623). Пушкин использует сходную ситуацию в третьей песне разинского цикла:

Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян,
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю, по синему (3, с. 25).

В фольклорном тексте сочиненный ряд включает 6 однородных сказуемых, соединенных бессоюзно (присоединительный союз «да» выполняет «замыкающую» функцию). Каждое из сказуемых имеет свои распространители с объектным и адвербиальным значением, а последнее осложнено деепричастным оборотом. Но, несмотря на дистантное расположение однородных

членов, синтаксическая связь между ними не разрывается благодаря во-первых, их идентичному позиционному расположению (положение последнего не является исключением, а объясняется особой синтаксической функцией — «закрытием» конструкции), во-вторых, благодаря параллельному построению (повторяющееся подлежащее «мы» десемантизировано и употребляется в сочетании с обращением для параллельной организации частей предложения).

Пушкин использует характерную для фольклорного синтаксиса бессоюзную связь между однородными членами и параллельную организацию частей предложения, которая достигается идентичным расположением однородных сказуемых в начале стиха. Но поэт отказывается от чисто формального употребления подлежащего в каждой строке, которое обусловлено в фольклорном стихе в конечном итоге требованиями мелодики. Вместо этого Пушкин подвергает стих строгой ритмической организации (используется чистый трехстопный анапест с дактилическим окончанием), т. е. поэт вводит элемент литературной поэтической техники и освобождает конструкцию от излишней загруженности, этому способствует и сокращение числа однородных сказуемых до трех. Его конструкция лаконична, проста и прозрачна. Пушкинский стих не нуждается в опоре на мелодию и образцово синтезирует фольклорные и книжные элементы.

Следует обратить внимание и на семантику однородных членов. В фольклорном тексте три глагола-сказуемых из шести («поедем», «поедемте», «поплывем») относятся к одному семантическому полю — глаголам движения, два сказуемых — «возьмем» (казны) и «покупим» (платье) тоже близкой семантики. У Пушкина же каждый однородный член несет особую смысловую нагрузку, чем и создается предельная семантическая насыщенность текста. В этом важное отличие пушкинских оригинальных песен от народных.

Но, насыщая семантически предложенческую структуру, поэт не отказывается от специфически фольклорного приема — сочетания синонимов в рамках одного предложения. Обратим внимание на тот факт, что и в данной конструкции нет повтора подлежащего:

С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь *баюкала, качала,*
В волновую погоду выносила,
За меня ли молодца не дремала,
Казаков моих добром наделила (3, с. 23).

Сравни в фольклоре:

Он *вскричал* ли, *возопил* ли громким голосом... (2, с. 30).

А. П. Евгеньева считает, что это явление свойственно почти

исключительно устному творчеству, а отнюдь не языку в целом (12, с. 265—266). Оно служит средством усиления значения. Синонимия теснейшим образом связана и с ритмико-синтаксической структурой народного стиха, во многих случаях представляя его организующую силу. Пример тому — стихи с параллельно расположенными однородными сказуемыми, выраженными синонимичными глаголами:

Вы вставайте, добры молодцы,
Пробуждайтесь, казаки донски! (2, с. 52).

Пушкин воспринял также свойственное фольклору единое морфологическое оформление однородных членов. Если в народных исторических песнях встречаются единичные примеры разнотипных словоформ в сочиненном ряду (например, однородные именные и простые глагольные сказуемые), в пушкинских текстах этого не обнаруживается. Правда, использование глаголов разных видов в одном ряду однородных членов поэт иногда допускает: в приведенном выше предложении *воспоила, наделила* — глаголы совершенного вида, *выносила, баюкала, качала, дремала* — несовершенного. Это явление более свойственно эпосу, былинному стиху. В исторических песнях оно встречается редко:

Как пошел-то я ко синю морю,
Ко синю морю, ко Дунай-реке,
У Дунай-реки перевоз кричал (2, с. 58) —

— единственный пример в нашем материале.

В. В. Виноградов, говоря о заслугах Пушкина как основоположника русского литературного языка и о сущности пушкинской реформы синтаксиса, писал о «глагольности» его фразы (10, с. 274). Немаловажную роль в проникновении в этот «дух» русского языка сыграло глубокое знание существа народной поэзии, в которой доминирующим элементом стиха, перенесенным, как правило, в конец строки, является глагол, делающий повествование в исторических песнях гибким, динамичным. Пушкин воспринял эту фольклорную особенность: в предложениях с однородными членами, встречающихся в «Песнях о Стеньке Разине», безраздельно господствует простое глагольное сказуемое.[1] Еще одно подтверждение «глагольн-

---

[1] То же самое, впрочем, относится и к предложениям с неоднородными сказуемыми: во всем цикле лишь однажды встретилось предложение с использованием составного именного сказуемого (предложение по структуре сложное):

Шуба дорогая,
Полы-то новы,

ности» пушкинского стиха заключается в том, что из всех извлеченных нами из «Песен о Стеньке Разине» предложений с однородными членами лишь одно осложнено однородными дополнениями, все остальные — однородными сказуемыми. Однородный ряд призван служить, таким образом, более детализированному, точному и подробному описанию действия, с каждым новым глаголом в повествование вводится новая смысловая единица. Структура предложения освобождена поэтом от излишней загруженности однородными второстепенными членами, главным организующим ядром предложения является глагол.

Глаголы у Пушкина в конструкциях с однородными сказуемыми полифункциональны. Они не только семантически насыщают фразу, являются организующим ядром параллельного построения предложения, как уже говорилось, но и посредством единого морфологического оформления и идентичной синтаксической позиции (конец стиха) создают подобие морфологической рифмы и тем самым сближают фольклорный стих с литературным.

О позиции сказуемого в конце стиха следует сказать особо. По мнению исследователей, фольклорному стиху свойственна такая «композиционная особенность: наиболее значащие слова, несущие на себе основное смысловое ударение и произносимые поэтому с бóльшей силой, ставятся в конце стихов» (26, с. 59). Это наблюдение еще раз подчеркивает особую смысловую значимость глаголов и в пушкинских «Песнях о Стеньке Разине». Но Пушкин использует подчас финальную позицию последнего члена ряда однородных сказуемых с дополнительной нагрузкой:

Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге — матушке ею поклонился (3, с. 23).

Позиция первых трех членов однородного ряда здесь не фиксируется строго, они располагаются либо инициально (сказуемое «подхватил»), либо медиально («вскочил», «бросил»). Помещенное в конце стиха и всего предложения сказуемое «поклонился» исчерпывает действие, создает «закрытость» конструкции даже при бессоюзной связи однородных сказуемых.

Одна боброва,
Другая соболья (3, с. 24)

и два — с составным глагольным сказуемым (предложения простые с неосложненной структурой):

Стал воевода
Требовать подарков (3, с. 24).

Таким образом, проанализировав структуру предложений с однородными сказуемыми в цикле «Песен о Стеньке Разине» А. С. Пушкина, можно в заключение сказать следующее:

1. Следуя фольклорной традиции, Пушкин использует в своих песнях специфические синтаксические способы-модели построения предложения: цепной, концентрирующий и позиционный повторы, частичный параллелизм.

2. Поэт воспринимает характерную для фольклора бессоюзную связь членов однородного ряда.

3. Пушкин использует (хотя и редко) характерный для народных песен прием — сочетание синонимов в однородном ряду.

4. Однородные члены в его песнях (за редким исключением) являются единооформленными. Эта же тенденция к однотипному морфологическому облику однородных сказуемых свойственна и фольклору.

5. Пушкин, следуя традициям народной эпической поэзии, делает глагол главным компонентом структуры для достижения особой гибкости и динамичности повествования. Соответственно, среди конструкций с однородными членами доминирующее положение занимают предложения с однородными простыми глагольными сказуемыми.

Пушкинский стих органически синтезирует элементы народной и книжной поэзии, «Песни о Стеньке Разине» Пушкина — не слепок, не копия, пусть и блестящая, фольклорных образцов. Пушкинские оригинальные песни, сохраняя кровную связь с народными произведениями, созданными в жанре исторической песни, отличаются от них:

1. Поэт «разгружает» конструкцию, отказываясь от формального, обусловленного требованиями мелодики употребления повторяющегося в каждом стихе подлежащего. Вместо этого он подвергает стих строгой ритмической организации, его конструкция лаконична и прозрачна, завершена в сфере произносимой речи и не нуждается в опоре на мелодию.

2. У Пушкина каждый член однородного ряда несет особую смысловую нагрузку, в то время как в фольклоре однородные члены часто выражены словами, находящимися в тесной семантической близости и часто принадлежащими к одному семантическому полю. Авторский текст, в отличие от фольклорного, предельно семантически насыщен.

ЛИТЕРАТУРА

I

1. Исторические песни XVII века.— М.— Л.: Наука, 1966.
2. Песни и сказания о Разине и Пугачеве/Под ред. А. Н. Лозановой.— М.— Л.; 1955.

3. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, т. 3.— М.: Изд-во АН СССР, 1948.
4. Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты/Подг. к печати и комментарий М. А. Цявловского, Л. Б. Модзалевского, Т. Г. Зингера.— М.— Л., 1935.

II

5. Азадовский М. К. Пушкин и фольклор.— В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 3. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
6. Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина.— М.: Современник, 1984.
7. Артеменко Е. Б. Синтаксический строй русской народной лирической песни в аспекте ее художественной организации.— Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977.
8. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис.— М., 1977.
9. Богуславский С. А. Русские народные песни и записи А. С. Пушкина.— В кн.: Временник Пушкинской комиссии, вып. 6. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
10. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.— М.: Высшая школа, 1982.
11. Грамматика русского языка, т. 2.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.
12. Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
13. Михайлова М. Б. Структура однородных сказуемых в русских исторических песнях XVII века.— В кн.: Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1979.
14. Муравьева О. С. Из наблюдений над «Песнями западных славян».— В кн.: Пушкин. Материалы и исследования, т. XI. Л.: Наука, 1983.
15. Перетрухин В. Н. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке.— Воронеж, 1979.
16. Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд.— М., 1958.
17. Руднев А. Г. Синтаксис осложненного предложения.— М., 1959.
18. Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка.— М., 1968.
19. Русская грамматика, т. 2.— М.: Наука, 1980.
20. Салупере М. Из комментариев к тестам А. С. Пушкина.— Русская филология, вып. 1. Сб. студ. научн. работ. Тарту, 1963.
21. Собинникова В. И. Конструкции с однородными членами, лексическим тождеством и параллелизмом в народных говорах.— Воронеж, 1969.
22. Соколов Ю. Пушкин и народное творчество.— Лит. критик, 1937, № 1.
23. Сперанский М. Н. К вопросу о песнях, записанных А. С. Пушкиным.— В кн.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. XXXVIII—XXXIX. М.: Изд-во АН СССР, 1930.
24. Тарланов З. К. Разграничение односоставных предложений с однородными главными членами и сложных предложений.— Русский язык в школе, 1968, № 2.
25. Тарланов З. К. Язык русского фольклора как предмет лингвистического изучения.— В кн.: Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1977.
26. Тополевская Т. В. Взаимосвязь стиха и напева в русских народных песнях, собранных А. С. Пушкиным.— Науч. докл. высшей школы. Филологические науки, 1980, № 3.